

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л.В. Максимов

Когнитивный статус этики

К понятию этического знания

Что такое «этическое знание», что оно в себя включает? Принадлежат ли вообще те вербализованные духовные построения, которые традиционно объемлются термином «этика» (или какая-то часть этих построений), к категории знания, т.е. являются ли они идеальными моделями — образами, описаниями, объяснениями — тех или иных реалий?

Этот вопрос, интенсивно обсуждаемый на протяжении последнего столетия в западной аналитической этике, остается практически не замеченным за ее пределами, т.е. в русле прочих методологических парадигм; во всяком случае, философы, не принадлежащие к аналитической школе, не усматривают здесь никакой реальной *проблемы*, значимой для этики. Тем не менее и эти философы на названный вопрос фактически дают вполне определенный, кажущийся им самоочевидным ответ (не концептуальный, не акцентируемый специально, но легко вычленимый из контекста их работ): разумеется, этика, как и другие гуманитарные дисциплины, является отраслью знания, или познания. Само это словосочетание — «этическое знание» — часто употребляется в философско-этической литературе в качестве синонима этики вообще или для обозначения каких-либо конкретных работ в этой области. В самом деле, какими еще родовыми понятиями, кроме «знания», можно охватить все многообразие интеллектуальной продукции, выдаваемой «любителями мудрости» в ходе рассуждений на этические — как и любые другие — темы? Можно спорить (и таких споров было

немало) о специфике разных *видов знания*: спекулятивно-метафизического и опытного, врожденного и благоприобретенного, гуманитарного и естественнонаучного, фундаментального и прикладного, нормативного и дескриптивного, «знания о должном» и «знания о сущем» и пр., но можно ли сомневаться во всецело когнитивном статусе духовной деятельности и ее результатов, отлитых в рационально-понятийные формы?

Даже в аналитической этике, где и была поставлена рассматриваемая здесь проблема о возможности «этического знания», большинство авторов также склоняются к когнитивистскому ее решению, т.е. квалифицируют этические (как и отождествляемые с ними моральные) высказывания как «знания». В последние годы в русле аналитической этики сложилась особая методологическая дисциплина — «эпистемология морали», специально посвященная исследованию когнитивных аспектов этических (или моральных) высказываний и рассуждений, и прежде всего самого понятия этического (морального) «знания». В статье на эту тему, помещенной в англоязычной философской интернет-энциклопедии, предмет или, точнее, основная проблема указанной дисциплины вкратце обрисована следующим образом: «...Можем ли мы каким-то образом знать (*know*) или, по крайней мере, иметь некоторое основание полагать (*some justification for believing*), является ли нечто морально правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, добродетельным или порочным, возвышенным или низменным, хорошим или плохим? Поскольку мы постоянно высказываем моральные суждения, то, очевидно, мы склонны именно так и считать. Но как возможно такое знание или обоснование? Ведь мы не просто постигаем (*perceive*) моральную истину — подобно тому, как мы постигаем ту истину, что перед нами находится экран компьютера. И, по-видимому, мы не просто понимаем ее, как мы понимаем то, что все петухи — мужского пола. И, очевидно, мы не просто чувствуем ее, как мы чувствуем голод... Эту проблему [морального] знания и обоснования исследует эпистемология морали»¹.

Основное назначение этих исследований состоит в экспликации недостаточно рефлексированных (хотя и прочно укоренившихся в моральной философии) представлений о познавательных

¹ *Tramel P. Moral Epistemology // Internet Encyclopedia of Philosophy. URL = <http://www.iep.utm.edu/m/mor-epis.htm>, 2004.*

механизмах морального сознания. Другими словами, эпистемология морали выявляет и уточняет ряд «латентных» вопросов, которые фактически (зачастую не сознавая этого) имеют в виду и на которые дают те или иные ответы философы разных направлений. Самый общий и принципиальный из «теоретических» вопросов таков: применимы ли непосредственно к моральному знанию типовые категориальные оппозиции традиционной эпистемологии: истина и ложь (заблуждение), знание абсолютное и относительное, спекулятивное и эмпирическое, априорное и апостериорное, рациональное и чувственно-образное, научное и обыденное и пр., или же для характеристики морального знания — с учетом его своеобразия — следует использовать другой понятийный аппарат и иные подходы? Принятие первой из указанных альтернатив ограничивает эпистемологию морали в основном ретроспективной систематизацией, упорядочением известных философско-этических концепций. Вопрос о природе морального знания по сути выпадает из этого контекста. Вторая альтернатива, напротив, ориентирует эпистемологические исследования в этой области прежде всего на выяснение специфических признаков морального познания, а поскольку в этической традиции эта тема почти не представлена², задача ее разработки весьма актуальна для современной эпистемологии морали. Следует, однако, заметить, что несмотря на обилие работ, в которых моральное знание трактуется с применением новой терминологии, заимствованной из символической логики и модных методологических и идейных течений — структурализма, синергетики, постмодернизма и пр., в целом вопрос о природе и специфике морального знания остается до сих пор без сколько-нибудь внятного ответа.

Эпистемологию морали как новую область исследований интересует прежде всего природа морального знания и способы его получения; позиция же философов, высказывающих принципиальное сомнение в том, вправе ли мы вообще относить моральные оценки и нормы к разряду знаний, просто упоминается в работах по эпистемологии морали как частная точ-

² Обычно в связи с этим упоминаются аристотелевский «практический силлогизм», кантовский «практический разум» и идея некоторых английских сентименталистов XVIII в. об особом «моральном чувстве» как инструменте «морального познания».

ка зрения, представленная одним из течений аналитической этики — некогнитивизмом. Таким образом, современная этическая мысль, включая и ее аналитико-философскую ветвь, ориентирована на традиционно господствующую в гуманитарии когнитивистскую парадигму, трактующую духовную реальность в целом и во всех ее проявлениях (в том числе ценностные формы сознания) как виды знания³. Поэтому можно утверждать, что за обычным, употребляемым без специальной рефлексии выражением «этическое знание» (знание о морали, о добре и зле и пр.) скрывается в действительности целостная система мировоззрения и методологических принципов, определяющих постановку и способ решения многообразных проблем этики.

Приведу небольшую иллюстрацию к сказанному.

В одном из нечастых на нашем телевидении философских диспутов видный отечественный специалист по науковедению высказал простую и не вызвавшую возражений у участников дискуссии мысль о том, что главная задача всей философии сводится, по существу, к поиску ответа на вопрос, непосредственно относящийся к ведению этики: «Что такое справедливость?». Очевидно, за этим пассажем, не претендующем на концептуальную строгость и вместе с тем принимаемым без протеста гуманитарным сознанием, стоят определенные мировоззренческие посылки.

Прежде всего, высказанную мысль можно считать отголоском классической идеи о том, что этика как «практическая философия» венчает собой все человеческое знание о мире, Боге и самом человеке, т.е. является завершением всей системы знания, его прикладной ипостасью и выводом. Но независимо от того, насколько обоснованно это представление об исключительном месте и роли этики и действительно ли оно повлияло на приведенную формулировку «главной задачи» философии, можно констатировать, что этика в контексте приведенного выше утверждения понимается как часть человеческого знания, как философская наука о добре, долге, справедливости, смысле жизни и пр. В самом деле, формулируя указанный вопрос о природе спра-

³ См. об этом: Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2003; он же. Когнитивный редукционизм в «науках о духе» // Современный когнитивный подход: философия и когнитивные науки / Под ред. В.А.Лекторского. М., 2006.

ведливости, философ-научковед явно исходил из предположения о принципиальной возможности и необходимости выяснить, *познать*, что есть «справедливость сама по себе», т.е. что является «объективно справедливым», — в отличие от того, что именно разные люди (группы, индивиды, ученые) *понимают* под «справедливостью». Другими словами, вопрос о справедливости помещен здесь в старинную эпистемологическую схему «мнение — знание», и если эксплицировать и вербализовать скрытые и свернутые методологические посылки рассматриваемого тезиса о конечной цели философских изысканий, то получится примерно такое рассуждение: никто пока еще *не знает* достоверно, что такое «справедливость», существуют лишь разные, зачастую противоречащие друг другу, *мнения* (точки зрения, концепции, теории) на этот счет; отсутствие точного, доказательного, истинного знания приводит к тому, что люди руководствуются ложными или искаженными представлениями о справедливости, а это является, по меньшей мере, одной из причин социальных неурядиц; поэтому если философия сможет получить искомое знание и довести его до сознания людей, то тем самым будет создана предпосылка для торжества подлинной справедливости; вот почему такую задачу следует считать важнейшей для философии.

Таким образом, господствующая когнитивистская парадигма побуждает гуманитарно-философскую мысль трактовать природу, происхождение, формирование, распространение и механизмы практической реализации ценностных (моральных и других) ориентиров преимущественно в системе эпистемологических, а не каузально-детерминистических — биологических, психологических, социальных — понятий и представлений. Неэффективность некогнитивистской критики указанной парадигмы и ее следствий объясняется в значительной мере тем, что ключевое в контексте данного противостояния парадигм понятие «знание» было и остается весьма многозначным и размытым, причем не только в обыденном сознании и естественном языке, но и в философском лексиконе. Действительно, когда некогнитивисты заявляют, что моральные высказывания не являются «знаниями», они вкладывают в этот последний термин хотя и достаточно распространенное, но вместе с тем весьма узкое, специфическое значение: «когнитивными», т.е. относящимися к сфере знания, при-

знаются те высказывания, которые в принципе поверяемы на истинность — ложность, и, соответственно, те термины, которым соответствует некоторый объект (денотат). Поскольку же в реальном словоупотреблении «знание» имеет гораздо более широкий спектр значений, старания нонкогнитивистов вывести ценностные (главным образом моральные) феномены из-под общей крыши «знания» и тем самым освободить их исследование от чрезмерной методологической опеки со стороны эпистемологии и науковедения остаются малорезультативными. Между тем методология гуманитарных дисциплин, объектом либо составной частью которых являются ценности, нуждается в разработке и уточнении понятия «непознавательное» (или «внепознавательное»), охватывающего ту сторону человеческой духовности, которая органична для ценностей и которая не может быть адекватно описана и объяснена в терминах теории познания.

Для того чтобы ответить на поставленный в начале статьи вопрос, что есть «этическое знание» и каков его состав, необходимо предварительно эксплицировать понятие *знания вообще*, причем сделать это через противопоставление его «внепознавательным» элементам субъективной реальности, с тем чтобы выявить специфику этического знания по отношению не только к другим видам знания, но и к тем частям этики как философской дисциплины, которые не вписываются в ее исключительно когнитивную (познавательную) трактовку.

«Знание»: проблема дефиниции

Слово «знание» долгое время получало свои явно формулируемые определения в основном в неспециализированных толковых словарях, и лишь эпизодически — в философских изданиях справочного характера, и только в последние десятилетия (по-видимому, в связи с бурным развитием когнитивных наук и разработкой соответствующих методологических подходов) оно прочно утвердилось в статусе особого философского термина, нуждающегося в более детальных и точных дефинициях. Правда, некоторые из дефиниций, предлагаемых в отечественных философских энциклопедиях и словарях, вряд ли можно считать достаточно строгими в логическом смысле. Так, в одном из словарей «знание» определяет-

ся через «информацию», тогда как «информация» в том же словаре описывается, в свою очередь, через «знание»⁴. В другом источнике «знание» определяется как «результат процесса познания», «познание» же (в соответствующей статье той же работы) обозначается как «процесс получения знаний»⁵. Следовательно, в этих определениях имеет место так называемый «порочный круг».

Однако большинство представленных в литературе определений свободны от подобных логических ошибок. Вообще, любые дефиниции знания — и это вполне оправданно — фактически отталкиваются от стихийно сложившихся как в естественном языке, так и в специализированных языках философии и науки значений этого слова. Таких значений довольно много, но их можно свести — если пренебречь некоторыми нюансами — к трем основным типам.

(1) В узком смысле слово «знание» обозначает объективно-истинное и обоснованное (причем осознаваемое субъектом в качестве такового) представление о чем-либо; т.е. знание — это «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта»⁶. Иначе говоря, к «знанию» здесь причисляются только те моделирующие реальность когнитивные формы, которые характеризуются дополнительно признаками «рефлексии», «понимания», «рациональной обоснованности» и пр. и которые противопоставляются иным — тоже когнитивным — реалиям, не обладающим указанными признаками. В подобных определениях акцентируется особое ментальное состояние, характерное именно для «знания» в отличие от «мнения», «веры», «сомнения», «заблуждения», «воображения», «фантазии», простой «информации» и пр.

⁴ См.: Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 247, 274.

⁵ См.: Философия: Энцикл. словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 285, 658.

⁶ Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки: Научно-теорет. журн. по общ. методологии науки, теории познания и когнитив. наук. М., 2004. Т. 1. № 1. С. 135. Подобное же, но более детализированное и формализованное определение знания, имеющее хождение в трудах философов-аналитиков, выглядит так: «S знает, что P, если и только если: (i) P истинно; (ii) S убежден в том, что P; (iii) S имеет все основания быть убежденным в том, что P» (*Геттнер Э.* Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 231. О проблемах определения знания и спорах по этому поводу (главным образом, в аналитической философии XX в.) см. также: *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 269 и далее.

(2) Знание, трактуемое в более широком смысле, включает любые идеальные модели, репрезентирующие реальные или воображаемые объекты; т.е. родовым признаком знания выступает здесь именно (и только) наличие «репрезентации» чего-либо в человеческом духе, видами же его (в зависимости от принятого основания классификации) могут быть, например, чувственные образы и абстрактные формулы, эмпирия и теория, наука и метафизика и т.д. Понятое так «знание» в последние десятилетия в философской и психологической литературе (особенно англоязычной) обычно обозначают термином «когнитивное» (англ. *cognition, cognitive*), поскольку этот латинский по происхождению термин хотя и синонимичен в целом «знанию» и «познанию» в родном для разных современных языков словесном облачении (англ. *knowledge*, нем. *Erkenntnis, Wissen* и др.), однако не несет в себе признака «рефлектированной истинности» и потому употребляется достаточно свободно, охватывая более значительный, нежели в первом варианте, круг духовных феноменов, репрезентирующих реальность. Следует, правда, отметить, что фактическое выполнение термином «когнитивное» указанной инструментальной функции в философии и науке не подкреплено специальными дефинициями ни в отечественных, ни в зарубежных словарях и энциклопедиях; тем не менее значение этого термина, как правило, ясно вырисовывается в контексте его употребления в философских и научных трудах.

(3) Наконец, существует еще один подход к определению знания, явно или неявно основанный на витгенштейновском принципе «семейного сходства». Витгенштейн обратил внимание на то, что в естественном языке один и тот же термин может иметь множество разных применений, т.е. обозначать разные реалии, образующие в совокупности некоторую общность, «семью», члены которой взаимосвязаны лишь перекрестным образом: между отдельными индивидами и группами, составляющими эту семью, имеются подобия, сходства, но отсутствует общий для всех них родовой признак. (Например, существуют разные игры, их можно описывать, отмечать сходство между теми или иными из них, однако не существует некоей «сущности игры» и, следовательно, невозможно дать определения «игры вообще», как таковой)⁷. «Поздний» Витгенштейн,

⁷ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 110–114.

в отличие от «раннего», видел в этом обстоятельстве не дефект естественного, обиходного языка, нуждающегося в коррекции, в разведении разных значений термина, в придании термину точного, однозначного смысла, а именно норму языковой коммуникации. Однако о «норме» речь здесь может идти лишь постольку, поскольку принцип «семейного сходства» действительно апеллирует к реальному положению дел в естественном языке и обыденном мышлении; вместе с тем этот принцип, узаконивая терминологическую неопределенность, т.е. закрепление за одним термином разных (часто несовместимых) смыслов, не вписывается в методологию теоретического (философского и научного) исследования, так как приводит к неправомерному (обычно не замечаемому самим теоретиком) смешению разных исследовательских контекстов и понятий.

Определения знания, которые идут в русле указанного подхода, опираются на тот очевидный факт, что единой содержательной «субстанции» для всех разнообразных значений слова «знание» не существует, эти значения пересекаются, образуя некое сообщество «семантических родственников»; поэтому и возникает представление о невозможности определения знания как родового понятия и о необходимости другого подхода к его дефинированию. Как пишет И.Т.Касавин, «не только обыденное суждение, эмпирическое протокольное предложение или научная теория, но и философская проблема, математическая аксиома, нравственная норма, художественный образ, религиозный символ имеют познавательное содержание. Все они характеризуют исторически конкретные формы человеческой деятельности, общения и сознания, связанные с адаптацией, ориентацией и самореализацией во внешнем и внутреннем мире. Поэтому полная дефиниция термина знание может строиться лишь по принципу “семейного сходства” (Л.Витгенштейн), как исчерпывающая типология знания, совмещающая разные принципы выделения типов»⁸. В тексте статьи в качестве видов (или типов) знания, помимо названных, упоминаются также «умение» и «практическое знание» (включающее в себя, в частности,

⁸ Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 51. (Курсив мой. — Л.М.).

«нормативные компоненты»). Указать какой-либо сквозной признак, общий для всего перечисленного, вряд ли возможно, поэтому исходная дефиниция цитируемой статьи (а именно: «**Знание** — форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая форма деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»⁹) носит комплексный характер, т.е. содержит по существу несколько разных признаков, каждый из которых относится лишь к некоторым видам духовных реалий, причисляемых к знанию, благодаря чему это аддитивное определение и находится в согласии с принципом «семейного сходства». Этому согласию способствует также и весьма общий характер приведенных дефинитивных формулировок, допускающих возможность их неоднозначной интерпретации и тем самым расширяющих круг феноменов, могущих претендовать на принадлежность к семейству знаний.

Мне представляется, что применение принципа семейного сходства в данном контексте приводит (или может привести) к утрате критериев, позволяющих специфицировать знание относительно других духовных феноменов, ибо по сути каждый из них в принципе может быть представлен как вид «знания», понятого в том или ином из множества предлагаемых смыслов; в этом гипотетическом случае «знание» окажется полным синонимом «духа», сознания, ментального, психики, так что сам этот термин станет излишним или, по меньшей мере, взаимозаменяемым с перечисленными терминами. И если вообще предпочтительность одной дефиниции перед другой диктуется большей «инструментальной» эффективностью дефинированного соответствующим образом термина, позволяющего адекватно отобразить, понятийно вычленив специфические элементы некоторой предметной области, то из трех рассмотренных выше подходов к определению знания **наиболее предпочтительным, на мой взгляд, является второй, трактующий знание (когницию) как любую форму идеальной репрезентации объекта**, — при условии, что исследуемую предметную область составляет все многообразие «духовных» (психических, ментальных и пр.) явлений, а задачей исследования является отграничение знания от других — внепознавательных, некогнитивных — компо-

⁹ Касавин И. Т. Знание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. II. М., 2001. С. 51. (Курсив мой. — Л. М.).

нентов духа. (Разумеется, если предметной областью исследования выступает только сама сфера когнитивного, то здесь уже уместно будет использовать понятие знания в «узком» — первом из названных выше — значении, т.е. как обоснованного истинного убеждения, отличая его от «мнения», «фантазии» и других когнитивных феноменов). Знание-репрезентация в одних речевых контекстах противопоставляется *незнанию* (отсутствию информации), в других — *не-знанию* (т.е. некогнитивным, нерепрезентативным явлениям духа, — например, переживаниям, устремлениям и др.).

Парадигмой знания, интерпретированного в «репрезентативном» смысле, является наука. Эту мысль высказал, в частности, Э.Агацци, подчеркнув, что понятие науки сейчас связывается не с определенным содержанием и не с определенными дисциплинами (математикой и естествознанием, как это было раньше), а с особым способом анализа своего содержания, т.е. с методом. Научный метод характеризуется двумя фундаментальными качествами: строгостью и объективностью¹⁰. Если последовательно придерживаться указанной интерпретации термина «знание», то *виды* знания, альтернативные научному, имеет смысл выделять только по одному критерию, именно — по степени их «недоотягивания» до научного образца; т.е. все виды знания (в указанной их трактовке) находятся на одной и той же иерархической лестнице, верхнюю ступень которой занимает продукция науки как специализированной познавательной деятельности, осуществляемой в соответствии с выработанными научным сообществом (и постоянно совершенствующимися) канонами. К ненаучному или «не вполне научному» знанию — но именно «знанию», представляющему собою некоторую идеальную модель реальности — можно отнести, например, умозрительное, или обыденное, или вообще любое недостаточно строгое и доказательное знание. **Что же касается моральных норм, художественных образов, религиозных символов и пр., то их нельзя считать особыми видами знания; они альтернативны не только научному, но и любому знанию, поскольку не являются когнитивными феноменами или, во всяком случае, содержат в себе существенный некогнитивный элемент — императивно-ценностную, прескриптивную интенцию.**

¹⁰ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998. С. 10 и далее.

Обрисованному здесь подходу с давних пор и по настоящее время противостоят следующие позиции: (1) наука не является парадигмой репрезентативного знания; например, спекулятивные, мистические или паранаучные и прочие (замысленные в качестве репрезентирующих некую реальность) построения могут рассматриваться как вполне самостоятельные, не ориентированные на науку как познавательный «идеал», противостоящие науке (иногда добавляют: «официальной науке») или даже «сверхнаучные» формы знания; (2) «знание» не обязательно репрезентативно: существует знание практическое, рецептурное, технологическое («ноу-хау») и т.п., отвечающее на вопрос *как надо* или *как должно* делать что-либо; такое знание тоже может быть обыденным (или «опытным») и научным, — но уже находящимся в ведении не «теоретической», а «практической» или «прикладной» науки; (3) нормативно-ценностные концепции и учения (моральные, правовые, религиозные и пр.) относятся к классу репрезентативного знания и в этом качестве могут быть и «обыденными», и «спекулятивными», и «научными».

Все эти три позиции — по отдельности или в различных сочетаниях, эксплицитно или имплицитно — представлены в теории познания, логике и методологии науки, науковедении вообще, а также в различных разделах гуманитарной мысли, включая этику. В задачу настоящей статьи не входит специальный критический анализ указанных методологических установок: это увело бы слишком далеко в сторону от избранной темы. Эпизодическая полемика с этими установками будет увязана исключительно с выяснением когнитивного статуса этики.

Далее под «этическим знанием» я буду иметь в виду не все содержимое этики (как это было бы в случае широкой трактовки знания в соответствии с принципом «семейного сходства»), а только когнитивно-репрезентативное ее измерение. Такой подход позволит установить роль и место знания в структуре этики как многосоставного духовного образования.

Когнитивные структуры этики

Этика в ее исторически сложившейся целостности не принадлежит к сфере знания (в указанном выше когнитивно-репрезентативном смысле), т.е. ее нельзя считать «отраслью знания», а

тем более «наукой». Впрочем, разнородные ингредиенты, составляющие этику, невозможно объединить также и такими общими названиями, как «раздел философии» (например, «философия морали»), или «жизнеучение», или «форма ценностного сознания»; этика — это конгломерат, не укладывающийся в границы ни одного из перечисленных классов. Более всего для обозначения этики как целого подходит неопределенное, размытое понятие «гуманитарной дисциплины», — без уточнения, идет ли речь о дисциплине философской, научной или учебной, ибо любая из этих уточняющих характеристик может быть отнесена лишь к какому-то фрагменту или способу рассмотрения этического конгломерата¹¹. Правда, описание этой дисциплины, изложение ее проблематики, существующих подходов к решению ее проблем вполне может быть названо *этическим знанием*, но только если под этим последним выражением подразумевается *знание об этике* (как *объекте* познания, изучаемом предмете), а не само ее содержание или, во всяком случае, не все содержание этой дисциплины. К конкретным ее составным элементам выражение «этическое знание» применимо лишь избирательно.

Что же в составе этики обладает когнитивным статусом?

В этот разряд попадает, прежде всего, огромный блок *знаний о морали* как особом духовном феномене, — блок, включающий в себя описание и объяснение морали, т.е. разнообразные концепции, так или иначе трактующие сущность, происхождение, историческое развитие и социальные функции морали, формальную и содержательную специфику моральных ценностей, логические и психологические механизмы морального сознания и многое другое. Эту чисто когнитивную часть этической дисциплины в некоторых современных философско-

¹¹ Кстати, при попытке дать дефиницию этики обращение к принципу «семейного сходства» может оказаться более удачным и оправданным, нежели при определении знания, ибо если невозможность указать родовой признак «видов знания» объясняется просто многозначностью термина «знание» (при отсутствии некоего реально сущего под этим названием многосложного феномена), то этика — это фактически сложившийся, эмпирически данный (в качестве особой дисциплины) духовный комплекс, взаимно перекрещивающиеся части которого действительно не имеют общего для всех них определительного признака.

аналитических классификациях именуют *теоретической этикой*, охватывая этим названием как спекулятивно-метафизические, так и научные описательно-объяснительные концепции.

Термин «теория» вполне уместен для обозначения указанного раздела этики (и отличия его от других разделов), если под теорией действительно понимается «комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления»¹², т.е. определенная форма рационально-понятийного, систематизированного знания. Однако имя «теории», так же как и «науки», нередко прилагается и к другим, а именно — ценностно-нормативным видам духовной продукции. Например, под «этической теорией» часто имеют в виду общие, абстрактные, не конкретизированные принципы морали (или «нормативной этики»): не лги, не убий и пр. Соответственно, под «практикой» понимается «приложение» этих абстрактных принципов к конкретным (типовым или индивидуальным) ситуациям. При этом упускается из виду, что даже самые абстрактные принципы морали не являются «теоретическими» (в указанном выше более точном смысле): они практически ориентированы, хотя и без привязки к конкретным ситуациям. То есть на самом деле речь в подобных случаях идет о сопоставлении не «теоретического» и «практического», а «*абстрактно-практического*» и «*конкретно-практического*». Абстрактный «категорический императив» столь же практичен («предписателен»), как и частная моральная прескрипция типа: «Ты обязан помочь данному индивиду в данных обстоятельствах». Понятно, что в реальной практической деятельности мы не можем напрямую применить абстрактные принципы морали к единичной ситуации, нам приходится анализировать эту ситуацию, разлагать ее на составные элементы, допускающие подведение под те или иные моральные принципы и нормы; приходится учитывать и степень соответствия данного элемента той или иной норме, так же как и учитывать относительную «значимость» этих норм, с тем чтобы в итоге вынести определенный моральный вердикт. Вот эти служебные аналитико-вычислительные (т.е. по существу познавательные) процедуры и квалифицируют ошибочно

¹² Швырев В. С. Теория // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. М., 2001. С. 43.

как «практические», а сами отвлеченные принципы и нормы морали — как «теоретические». Употребление здесь слова «теория» ведет к методологической путанице.

«Теоретическое» и «практическое» (нормативно-ценностное) смешивается и в других этических контекстах; так, различные ценностные позиции, жизнеучения (к примеру, гедонизм, стоицизм, утилитаризм, прагматизм, перфекционизм и пр.) в современной этической литературе принято называть «теориями» — очевидно, на том основании, что в них имеются признаки систематичности, дискурсивности, концептуальности (т.е. наличия определенных организующих идей, программ). Однако указанные признаки хотя и необходимы, но не достаточны для признания некоторой духовной конструкции «теорией» в строго познавательном смысле. Ценностное учение, действительно, не только провозглашает те или иные идеалы и проповедует определенный образ жизни и поведения, оно может включать в себя более или менее развитую и стройную систему аргументации; но органически присущая ему «прескриптивность» не позволяет идентифицировать его в качестве «теории», принадлежащей когнитивной сфере сознания.

Следует заметить, что в философской традиции, идущей от Канта, теоретическая и практическая составляющие человеческого духа различаются достаточно четко; вместе с тем сам Кант объединяет обе эти составляющие под общей шапкой «знания»: *теоретическое* знание он определяет как такое, «посредством которого я познаю, *что существует*», а *практическое* знание — как такое, «посредством которого я представляю себе, *что должно существовать*»¹³. Вот этот внутренне противоречивый концепт — **знание должно**, как и другое традиционно ходовое выражение — **знание добра**, прочно утвердившиеся в этическом лексиконе, затрудняют разграничение собственно познавательного и собственно ценностного в моральном сознании и уяснение их взаимосвязи. Конечно, объективация «добра» и «долга» (или «нравственного закона») путем помещения их в умопостигаемый мир (в платоновской либо кантовской его версии) частично снимает указанную трудность, делая осмысленным понятие «знание» применительно к доброму и должному как его референтам, хотя и не разъясняя, каким образом это *знание* приобретает *побудительную* силу для человеческого поведения и претворяется в реальные по-

¹³ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 381.

ступки. Если же наши мировоззренческие установки несовместимы с ценностной онтологией Платона и рационалистическим априоризмом Канта, мы можем дать иную интерпретацию привычных словосочетаний «знание добра» и «знание долга»: это либо (1) метафорические обозначения локализованных в человеческом сознании и рефлексированных ценностных позиций, а вовсе не когнитивные (идеально-понятийные) модели неких реалий, идущих под именем «должного» или «доброе», либо (2) все же обозначение действительного «знания», но только знания не «добра» или «долга» как объектов (т.е. не о том, что «объективно является» добрым, должным, справедливым и пр.), а знания о содержании принятых в обществе фундаментальных идеалов и норм¹⁴.

Когда человек говорит: «Я знаю, что я должен делать», то это не означает, что он обрел некое особое «знание должного»; фактически он имеет в виду, что обладает знанием о том, какие именно его действия в данных условиях могут привести к тому результату, который он «должен» получить согласно своим моральным обязательствам или иным ценностно-нормативным установкам. Возможна и другая трактовка того же исходного выражения: человек узнал (получил знание) о тех моральных требованиях, которые предъявлены ему, его поведению извне — от других людей, социальных институтов или, как он может полагать, от Бога. Иными словами, объектом «знания» в подобных случаях является все-таки нечто «сущее» (цели, средства, установки, требования, причинно-следственные связи и пр.), а не какое-то противостоящее сущему, т.е. «вне-сущее», начало по имени «должное».

Теоретическая этика как основная когнитивная структура этического комплекса — это и есть всецело знание *о сущем*, именно — о морали как о реальном сложном феномене, воплощенном в специфических нормах, ценностях, поступках, межличностных отношениях и пр.

¹⁴ Русский язык располагает тонкими синтаксическими средствами, позволяющими избежать указанной двусмысленности выражений типа «знание (или наука) чего-то»: если, употребляя это выражение, мы имеем в виду его когнитивный (репрезентативный) смысл и хотим исключить ценностно-прикладные ассоциации, то нам достаточно видоизменить его по типу «знание (или наука) о чем-то»; в результате такой процедуры, скажем, «наука страсти нежной» («Евгений Онегин») превратится в «науку об аффектах» и т.п.

Другая составная часть этической дисциплины, нормативная этика, не является знанием о морали, она представляет собой рационально-рефлексивный слой самого морального (т.е. ценностно-ориентированного) сознания; сюда относятся все рационализированные, систематизированные вербальные построения, в которых прямо или скрыто выражается и отстаивается какая-либо моральная позиция. Но если нормативная этика *как целое* не принадлежит к корпусу знания, то это еще не значит, что в ней отсутствует познавательная составляющая, — «познавательная» не в каком-то особом моральном смысле, который безуспешно пытается выявить и зафиксировать современная эпистемология морали, а в том самом обычном и распространенном значении, в каком это слово употребляется в классической теории познания и науке. Знание, репрезентирующее реальность, безусловно присутствует в нормативной этике, причем занимает значительное место в ее структуре. Не будучи наукой и вообще «формой познания», нормативная этика вполне может быть в той или иной степени «научной». Это означает, что та или иная нормативно-этическая концепция в принципе может в своих заключениях опираться на достоверное знание, быть логически непротиворечивой и вообще может отвечать любому критерию научности, — за исключением одного, согласно которому научное знание должно быть ценностно нейтральным в отношении своего объекта. Если бы нормативная этика соответствовала еще и этому требованию, она действительно стала бы наукой в точном смысле слова, но перестала бы быть именно *нормативной* этикой. В традиционных нормативно-этических учениях, как и в современной прикладной этике, которую можно рассматривать как одну из форм этики нормативной, без труда можно обнаружить свободные от оценок и предписаний философские, научные и обыденные размышления «о сущем» в самых разнообразных его проявлениях: от мироустройства до психологических особенностей конкретных личностей. Другое дело, что этот когнитивный компонент пребывает и действует внутри ценностного (морального) сознания и всецело подчинен соответствующим нормативным целям, т.е. знание о мире и человеке выполняет в нормативной этике лишь подсобную роль. Какова эта роль?

Типовая логическая архитектура нормативно-этического рассуждения, если отвлечься от возможных побочных его ответвлений, представляет собою простой категорический силлогизм, большая посылка которого — это явно формулируемое или лишь подразумеваемое ценностное положение той или иной степени общности (от фундаментального принципа или идеала до частной нормы); меньшая посылка — знание о тех или иных реалиях, подпадающих под ценностный принцип или норму; заключение, или вывод — это некоторое ценностное жизнеучение либо конкретная моральная оценка или предписание должного поведения в определенной ситуации. Без указанной «меньшей» — собственно когнитивной — посылки нормативно-этические учения утратили бы концептуальный характер, превратившись в голую проповедь и морализаторство. Эта «меньшая» посылка может в принципе вмещать в себя неограниченное множество разнообразных суждений (и рассуждений) о сущем — от метафизических и религиозных постулатов до развернутых и доказательных социально-гуманитарных или естественнонаучных теорий. «Человек по природе своей стремится к удовольствию», «Человек создан Богом по Его образу и подобию», «Общество развивается по объективным законам», «Мораль — изобретение слабых», «Причиной социального неравенства является частная собственность», «Невозобновляемых энергетических ресурсов человечеству хватит на 50 лет» — вот лишь немногие из когнитивных посылок, которые (в соответствующем логическом сочетании с ценностными посылками) соучаствуют в формировании нормативно-этических концепций или в формулировании частных моральных оценок и императивов.

Таким образом, когнитивные структуры этики складываются из двух основных компонентов: это, во-первых, теоретическое знание о феномене морали (то, что обозначено выше как «теоретическая этика»), и, во-вторых, весь тот массив содержательно разнородных знаний, который в нормативной этике выполняет лишь вспомогательную функцию, т.е. используется для обоснования тех или иных ценностных позиций, — хотя социальное значение этих знаний и сфера их применения отнюдь не исчерпываются указанной функцией.